

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR

УДК 008

ББК 71

DOI 10.34685/HI.2024.46.3.003

МЕЖДУПАРТИЙНЫЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (ЧАСТЬ 1)

Рыбак Кирилл Евгеньевич,
доктор культурологии,
ассоциированный научный сотрудник
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева,
ул. Космонавтов, д. 2, г.Москва,
129366, Россия
kvr1482@gmail.com

Избачков Юрий Сергеевич,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева,
соискатель, юрист,
ул. Космонавтов, д. 2, г.Москва,
129366, Россия
strax5@list.ru

Аннотация

На примере представителей трех революционных партий показывается деятельность правоохранительной системы царской России в отношении Междупартийного Красного Креста, который оказывал разными способами помощь ссыльным и заключенным. Отмечается относительная эффективность работы полиции, излишняя бюрократизация, осложненная проявлениями коррупции в правоохранительной и судебной системе.

Ключевые слова

Междупартийный Красный Крест, полиция, охранное отделение, эсеры, Московские Высшие Женские Курсы, Цубербиллер, Иван Филиппов, Раиса Головачева, Николай Бухгольц, Людмила Эпарская, Нордштем (Nordström), Николай Витка, Лидия Злобина, Мария Мароши, Анна Серебрякова (Рещикова), Елизавета Дурново (Эфрон), каторжанин, ссыльный, жандармы, РСДРП, межпартийная кооперация, партия социалистов-революционеров.

Изучая развитие в России оккультных течений, мы обнаруживаем, что ряд активных участников этих движений имели революционное прошлое¹. Не все из них указывали это в своих биографиях, особенно с учетом негативного отношения большевиков в 1920–1930-х годах к бывшим соратникам по революционной борьбе. Признаться в принадлежности к партии эсеров, анархистов, а тем более к меньшевикам-ликвидаторам при Советской власти было рискованным поступком. Обратив внимание на этот период в биографиях видных советских оккультистов, находим интересные факты кооперации революционных партий.

Особое внимание обращает на себя деятельность Междупартийного Красного Креста — полуправового объединения, ставящего задачей поддержку политических заключенных, ссыльных и каторжан без различия их партийной принадлежности.

Междупартийный Красный Крест — одна из организаций, оказывавших помощь ссыльным в Российской Империи. К числу этих организаций можно отнести несколько структур как дореволюционной, так и Советской России 1920–1930-х гг. (организация, созданная членами народнических кружков, «Общество Красного Креста Народной воли», «Группа помощи политическим узникам Шлиссельбурга», «Общество помощи освобожденным политическим», «Помощь политическим заключённым» и другие). Деятельность народовольческого

«Красного Креста» находилась под пристальным вниманием как правоохранительных органов Российской Империи, так и добровольного общества «Братства Священной дружины»², которым была создана в Европе сыскная сеть для выявления адресов наиболее известных революционеров-эмигрантов и отслеживания сбора средств в упомянутый Красный Крест³. Междупартийный Красный Крест представлял собой непубличную организацию, цель которой вряд ли можно было расценивать как преступную, вместе с тем средства достижения этой цели, как будет показано ниже, иногда были противоправные. В целом же деятельность Междупартийного Красного Креста можно было расценивать и как противозаконную (ср. с определением противозаконного общества,

1 Яркий пример. Александр Васильевич Барченко (1881–1938) — советский оккультист, писатель, исследователь телепатии, гипнотизёр, хиромант. По обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже был осужден и расстрелян. В 1906–1907 годах распространял нелегальную литературу, проводил агитационную работу среди солдат, подстрекал к убийству наиболее одиозных офицеров (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.102. Оп.203 (7 делопроизводство (сокращенно Д-7), 1906 год). Д.7614, Д.6750).

2 Подпольно-охранная добровольческая организация «Священная Дружина» основана в 1881 году кружком сановной знати для противодействия планам революционеров, выслеживания и поимки революционных деятелей. Согласно уставу этой организации братья (т.е. члены «Священной Дружины») не должны были знать друг друга, кроме членов одной пятерки. Члены «Дружины» группировались в последовательный ряд разветвляющихся пятерок, которые собирали сведения о революционной партии в России, исследовали эти сведения и сообщали их вверх по линии. Деятельность этой организации оценивалась Салтыковым-Щедриным иронично — «клуб взволнованных лоботрясов», члены которого «вообразили себя настоящими вождями контрреволюции, но, по неумелости приняться за что-нибудь серьезно, тотчас же попали в плен к бесчисленной своре собственных своих агентов, которые заботились только о том, чтобы выудить у своих покровителей побольше денег, в чем и преуспели как нельзя лучше». Цит. по Священная Дружина // Сибирская жизнь. 1916. №16, 21 января. См. также о деятельности этой организации, ее губернских и уездных советов, а также агентурные записки. ЦГА Москвы. Ф.16. Оп.17. Д.466, Д.469.

3 Тайная организация «Священная Дружина». Электронный ресурс. — [Режим доступа] <http://lazar.hayazg.info/index.php?oldid=60138> (дата обращения: 13.05.2024).

изложенном в мнении Государственного Совета от 27 марта 1867 г.)⁴.

Отметим, что организации политического Красного Креста не имели отношения к Российскому Обществу Красного Креста. В 1907 году редакцией газеты «Парус»⁵ была опубликована заметка, в которой русское общество призывалось поддержать Московский комитет помощи политическим заключенным и ссыльным (Красный Крест) и указывался адрес для направления пожертвований — Москва, Нижняя Кисловка, лечебница доктора Н.М. Кишкина. Реакцией на эту статью стало заявление Главного управления Российского Общества Красного Креста, которое отмежевывалось от деятельности упомянутого комитета. «Имея в виду, что в составе Российского Общества Красного Креста комитета под вышеуказанным наименованием не существует и что поставленные в скобках слова «Красный Крест» направлены несомненно на эксплуатацию симпатий общества к святым и великим задачам красного креста, стоящего вне всякой политики, Главное Управление просило московское местное управление принять самые энергичные меры к прекращению в районе его действий подобных злоупотреблений и к преследованию лиц, оказавшихся в том виновными. Принимая затем во внимание, что настоящий случай является уже не первым, где нелегальные организации присваивают себе наименование Красного Креста, Главное Управление почитает своим долгом поставить о вышеизложенном в известность все свои органы и пригласить их неуклонно наблюдать за тем, чтоб в их районах злоупотребление именем или знаком Красного Креста отнюдь не была допускаемой и в случае, если бы таковое было обнаружено, то привле-

кать провинившихся к законной ответственности в порядке частного обвинения»⁶.

В литературе деятельность Междупартийного Красного Креста отражена слабо. Это вполне объяснимо, с одной стороны нежеланием советских властей освещать деятельность идеологических конкурентов, а с другой стороны тем, что революционеры довольно успешно скрывали от полиции свою работу.

Революционеры осознавали необходимость поддержки соратников, которые были арестованы, осуждены и высланы властями⁷. Не считая значимости моральной поддержки, значение имели предоставление денег, литературы, передача сообщений близким людям, организация побегов и предоставление новых документов⁸.

Кроме того, поддержка заключенных имела еще и прагматический аспект. Арест членов тайной организации мог быть неожиданным как для арестованного, так и для других членов организации. Члены организации понимали, что сам арестованный может быть психологически подавлен и в таком состоянии выдать остальных. Революционер часто готов был пожертвовать собой, но не семьей. Поэтому критически важно было оказать содействие его жене, детям и иждивенцам. Если арестант увидит пришедших на свидание родственников, которые лично сообщат о факте помощи со стороны членов организации, это могло придать ему уверенности и обезопасить других членов организации. Для этого нужно было иметь фонды, предназначенные для оказания помощи, а также налаженные контакты с присяжными поверенными, врачами, тюремными надзирателями, которые могли передать сооб-

4 Противозаконными сообществами признаются а) все тайные общества, с какой бы целью они ни были учреждены; б) все преследующие вредную цель сборища, собрания, сходбища, товарищества, кружки, артели и проч. под каким бы наименованием они ни существовали, образовавшиеся или действующие по соглашению между собой нескольких лиц и в) все те общества, которые по исходотайствованию надлежащего на оные разрешения, уклоняются от цели их учреждения или станут прикрывать благовидными действиями такое направление, которое в каком-либо отношении вредно для государственного благоустройства или общественной нравственности.

5 Парус. 1907. №3. 25 марта.

6 Тобольские епархиальные ведомости. 1907. № 21. С.156–157.

7 Представляет интерес приговор Московской Судебной Палаты от 25 сентября по 17 октября 1908 года по большому делу оппозиционной фракции партии социалистов-революционеров, в котором подробно описана структура этой организации, причем помощь политзаключенным вынесена в отдельный блок (Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы) Ф.131. Оп.3. Д.59а. Л.113-133. Это архивное дело – десятый том уголовного дела. К сожалению, сохранились только отдельные тома уголовного дела, по которому проходило более 70 подсудимых).

8 Об организации побегов и предоставления документов см. ГА РФ. Ф.504. Оп.1. Д.183. Л.37, 39.

щение арестанту, если контакт с родственниками временно невозможен⁹.

Мы обнаруживаем упоминание Междупартийного Красного Креста в архивных делах о преследовании активистов революционного движения с конца 1900-х гг. При этом деятельность революционных партий в отношении помощи политическим заключенным, ссыльным и каторжанам не всегда была скоординированной. Долгое время таковая осуществлялась в рамках отдельных партий¹⁰. В разбираемом ниже деле присяжного поверенного И.И. Филиппова имеется свидетельство о существовании Междупартийного Красного Креста в 1909 году. Мы также располагаем сведениями о попытках восьми революционных организаций образовать в начале 1914 года «Московский городской комитет Междупартийного Красного Креста» как объединяющий орган¹¹, а в 1916 году в очередной раз воссоздать эту структуру¹².

Ниже представлены три дела о представителях трёх партий, оказывавших помощь политическим заключенным. У этих дел разный юридический исход, но схожее основание для начала уголовного преследования — агентурные данные, за которым следовали обыск и арест.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) есть фонд № 63 (Охранное отделение), содержащий, в том числе, отчеты о наружном наблюдении, в которых можно найти много неожиданных сведений. Другим важным источником о деятельности правоохранительной системы царской России в отношении Междупартийного Красного Креста в ГА РФ является фонд № 504 — Комиссия по обеспечению нового строя при Исполнительном комитете московских общественных организаций. Временное Правительством создало эту комиссию для разбора

материалов Московского губернского жандармского управления и Московского охранного отделения¹³.

В отношении московской структуры РСДРП, занимавшейся вопросами помощи политическим заключенным — «Кружка слушательниц М.В.Ж.К.»¹⁴ по оказанию помощи политическим заключенным¹⁵ — мы знаем о внедрении агентов охранного отделения, одним из которых являлась Мария Владимировна Мароши¹⁶. Другим агентом Московского охранного отделения на протяжении с середины 1880-х годов до 1907 года, который участвовал в деятельности политического Красного Креста, была выпускница М.В.Ж.К. близкая к социал-демократам Анна Егоровна Серебрякова¹⁷.

Соотнося между собой сведения, получен-

9 Об использовании жандармами контрвозможностей через своих агентов, например, см. дело о бывшем секретном сотруднике Московского губернского жандармского управления Спицыной Марии Федоровне (кличка «Любитель»). ГА РФ. Ф.504. Оп.1. Д.320. Л.37, 37об., 42, 42об.

10 Упоминание революционного «Красного Креста» мы находим еще применительно к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», в 1897 году в деятельности Иваново-Вознесенского рабочего кружка. ЦГА Москвы. Ф.131 Оп.54. Д.219. Л.19-21об, 29.

11 ГА РФ. Ф.504. Оп.1. Д.183. Л.37.

12 ГА РФ. Ф.504. Оп.1. Д.183. Л.41.

13 Это был опыт люстрации структур политического сыска в России. Следует признать этот опыт неудачным. И дело даже не в том, что часть документов была уничтожена, или в нехватке времени. Комиссия переоценила свои возможности в проведении этой сложной работы. Если приговоры междупартийного товарищеского суда были мягкими, то при советской власти многие агенты были осуждены повторно и казнены.

14 Московские Высшие Женские Курсы, также известные как женские курсы Герье. Упоминание этого учебного заведения в контексте революционной деятельности с учетом большого количества выпускниц курсов встречается очень часто.

15 Эта группа также именовалась «Кружок объединенных курсисток», «Кружок помощи политическим», «Кружок помощи заключенным».

16 ГА РФ. Ф.504. Оп.1. Д.183; Ф.63. Оп.45. Д.302, 303, 308, 309, 310, 369, 380, 398, 404, 410. Мария Владимировна Мароши (урожд. Пахотинская), также некоторое время носившая фамилию Михайлова (агентурная кличка «Томский», наблюдательная кличка «Роза») — слушательница историко-философского факультета М.В.Ж.К., завербована охранным отделением в 1912 году через мужа — венгерского подданного Юлия Мароши, ранее сотрудничавшего с охранным отделением.

17 Согласно метрической записи о бракосочетании «Казанской губернии Спасского уезда господина майора Жедринского незаконнорожденная дочь дворовой девицы Анна, по крестному отцу Егорова Лиханова, 24 лет, первым браком» 7 октября 1881 года венчалась с окончившим курс Императорского университета кандидатом физико-математических наук Павлом Алексеевичем Серебряковым, 26 лет (ЦГА Москвы. Ф.203. Оп.776. Д.999. Л.238). Арестована осенью 1924 года, приговорена судом к 7 годам лишения свободы с зачетом срока, отбытого в следственном изоляторе. Умерла в заключении (см. «Ма-

ные из рапортов филеров и материалы уголовных дел, приходим к выводу о наличии у жандармов дополнительных источников сведений о работе революционных ячеек. Вероятнее всего, были завербованы члены партий, а также использовались сведения от агентов внутри профессиональных союзов. Также в уголовных делах есть признательные показания некоторых революционеров, раскрывающих подробности о своей преступной по отношению к существовавшему политическому режиму деятельности.

Разбирая конкретные дела, нами не преследуется цель отразить процессуальные тонкости в конкретном уголовном деле или полноту доказательственной базы, но предполагается оценить эффективность деятельности правоохранителей, соотнести ее с проблемами государственного управления в Российской Империи.

Первое дело касается Ольги Николаевны Цубербиллер (урожденной Губониной), в будущем известного советского математика и педагога, автора учебника «Задачи и упражнения по аналитической геометрии», выдержавшего более 30 изданий, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, кавалера орденов Ленина и «Знак Почета».

В открытых источниках отсутствуют упоминания о ее революционной деятельности, тем не менее, у нас есть основания полагать, что в молодости она могла быть связана с партией социалистов-революционеров (эсеров).

С февраля по апрель 1911 года полиция про-

вела операцию, направленную на ликвидацию Московской организации партии социалистов-революционеров. 30 марта 1911 года в доме Ольги Цубербиллер был произведен обыск, по результатам которого она и ее пасынок Владимир Владимирович Цубербиллер были арестованы¹⁸. В ходе обыска изъяты свертки с печатными изданиями партии эсеров, записные книжки, револьвер системы «Лефаше», записки, металлическая печать «Московской группы вспомоществования политическим заключенным»¹⁹.

Тем не менее, через несколько дней Ольга Николаевна Цубербиллер была отпущена без последствий. Немалую роль в ее освобождении, очевидно, сыграл ее пасынок Владимир Владимирович Цубербиллер, который взял на себя вину, а также тот факт, что она была вдовой товарища прокурора Московской Судебной Палаты²⁰ Владимира Владимировича Цубербиллера²¹, скончавшегося в 1910 году.

Прокуроры не могли освободить от уголовной ответственности одновременно и сына, и вдову своего бывшего сослуживца, но, как полагаем, сделали все зависящее для прекращения

маша». Электронный ресурс. – [Режим доступа] <https://iz.ru/news/313004>).

Анна Егоровна – незаконнорожденная дочь Софьи Ивановны Жердинской и Степана Ивановича Решикова (впоследствии удочерена отцом), была активным работником полулегального Красного креста помощи политическим заключенным, а в последствии Междупартийного Красного Креста, образованного в 1907 году. Эта работа позволяла сохранять Серебряковой беспартийность, при этом держа связь с революционными группами и партиями, в том числе с эсерами; устанавливать широкие связи с общественными кругами, в том числе с нелегальными и полулегальными элементами; иметь постоянное общение как с арестованными, так и их родственниками, что позволяло получать «материал, любопытный для розыска»; быть «заметным человеком на московском политическом горизонте»; иметь «может быть и ограниченную, пищу для конспиративных бесед с начальниками розыска» (см. Алексеев И.В. Провокатор Анна Серебрякова. М., 1932. С.24, 31, 141, 168).

18 См. ГА РФ. Ф.1742. Оп.1. Д.39663. Арестные фото О.Н. Цубербиллер.

19 Ср., например, с операцией по обезвреживанию группы коммунистов-анархистов, проведенной Московским охранным отделением в июле 1905 года, по результатам обысков были арестованы восемь человек, обнаружена нелегальная литература, печать группы и гектограф. При этом «людей, заподозренных в революционной деятельности, никогда не арестовывали, не получив реальных улик их экстремистских действий» (Шаламов А.Ю. Московская полиция. 1905–1907. 2022. С.67).

20 Московская Судебная Палата (МСП) – судебный орган, занимавший одно из центральных мест в структуре судебной власти Российской Империи. Палата выступала первой инстанцией по делам о серьезных государственных преступлениях по своему округу, а также апелляционной инстанцией по гражданским и уголовным делам окружных судов (Московского, Владимирского, Вологодского, Смоленского, Калужского, Тульского, Рязанского, Костромского, Тверского, Ржевского, Ярославского, Рыбинского, Кашинского, Елецкого, Нижегородского). Вышестоящей инстанцией был Правительствующий Сенат.

21 Чтобы понять, как Ольга Николаевна Губонина в 23 года вышла замуж за прокурора, которому на тот момент было 43 года и имевшему несовершеннолетних детей, следует углубиться в историю взаимоотношений семейств Губониных и Цубербиллеров в конце XIX – начале XX веков, что выходит за рамки статьи.

дела в отношении последней.

Судебное дело не сохранилось. В Государственном архиве Российской Федерации остались отдельные документы жандармов: протоколы обыска в доме Цубербиллеров и некоторые допросы²². Однако в Центральном государственном архиве Москвы обнаружено наблюдательное производство прокуратуры по этому делу, включая проект обвинительного акта, из которого можно составить полное представление о деле²³.

Обыскам у членов Московской организации партии эсеров предшествовало наружное наблюдение в течение полутора месяцев за членами группы²⁴. Сыщикам удалось выделить небольшую группу молодых людей, которые вели агитационную работу среди членов профессионального союза портных, портних и скорняков. Помимо Владимира Цубербиллера в группу входили шведский подданный Эмиль Нордштрем и сын либавского гражданина Николай Витка²⁵. Все трое на тот момент были студентами 18–19 лет²⁶.

Основные доказательства преступной деятельности были добыты в ходе обыска на квартире Ольги Цубербиллер, а также по месту жительства Эмиля Нордштрема. На основе этих материалов товарищ прокурора Московской Судебной Палаты выстроил обвинение в принадлежности к Московской группе партии социалистов-революционеров и организации партийной библиотеки означенного сообщества. В обвинительном акте прокурор подробно описал вредный характер найденной у арестованных литературы, а также участие каждого из них в преступной деятельности.

Прокурор не обладал всей полнотой информации о деятельности группы. Но он, как выражаются юристы, «собрал состав» из имеющихся фрагментов. Получалось, что главную роль в группе играл Владимир Цубербиллер²⁷. Он хранил основную часть нелегальной литературы, в его записной книжке были найдены заметки, посвященные выступлению на собрании профессионального союза портных, портних и скорняков, свидетели подтвердили факт его выступления, в котором использовались тезисы из записной книжки. В этой книжке также был каталог нелегальной литературы, составленный рукой Цубербиллера, Нордштрема и неустановленного лица. Николай Витка представлялся как начинающий агитатор, который, как отмечали Нордштрем и Цубербиллер в переписке, делал успехи на этом поприще²⁸. При этом Ольга Цу-

22 Дела Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве при управлении Московского Градоначальника «О вдове Ольге Николаевне Цубербиллер» (ГА РФ. Ф.63. Оп.18 (1911 год). Д.568), «О студенте Владимире Владимирове Цубербиллере» (ГА РФ. Ф.63 Оп.18 (1911 год). Д.569).

23 Дело по обвинению Владимира Владимировича Цубербиллера, Николая Августовича Витки, Эмиля Карловича Нордштрема и Ивана Афанасьевича Плетнева по ст. 102 УУ [Уголовного Уложения] (Московская группа социалистов-революционеров) (ЦГА Москвы. Ф.131. Оп.99. Д.89).

24 ГА РФ. Ф.63. Оп.44. Д.3049, 3470, 3482.

25 В деле встречается написание фамилии также Витко и Витке. В дальнейшем известен как Николай Андреевич Витке - советский ученый, видный представитель школы научной организации труда, исследователь человеческих отношений на производстве.

26 В делах наружного наблюдения они фигурируют под наблюдательными кличками: Нордштрем – «Фабричный», Владимир Цубербиллер – «Хапун» (партийная кличка – «Степан»), Ольга Цубербиллер – «Копилка», Николай Витка – «Сладкий». Такие клички придумывали филеры в процессе наблюдения. При этом филер должен был подобрать такое слово, чтобы оно продолжало ряд. Например, если ранее филер наблюдал «Спешного», «Быстрого», то следующими кличками в этом ряду могут быть «Медленный», «Торопливый», «Скорый» («Скорый» - наблюдательная кличка одного из лидеров эсеров А.Ф. Керенского). Пример другого ассоциативного ряда: «Сосиска», «Колбаса», «Сардинка», «Зельц», «Вобла»,

«Ветчина» (ГА РФ Ф.63. Оп. 45. Д.297. Л. 28–29). Клички могут повторяться у нескольких человек. Например, кличка «Сладкий» была также у Алексея Максимовича Пешкова (Максима Горького) (ГА РФ. Ф.111. Оп.1. Д.2712 (1914), Д.2712а (1915), Д.2712б (1905)). Из рапортов наружного наблюдения мы также узнаем о контактах эсера «Сладкого» с Николаем Ивановичем Бухариным (ГА РФ. Ф.63. Оп.44. Д.1392. Л.1, 2об.–3об.). Исследуя биографии обвиняемых, узнаем, что в дальнейшем Э.Нордштрем, Вл.Цубербиллер и Н.Витка перешли в РСДРП.

27 Мы не склонны доверять мнению прокуратуры в этой части. Согласно данным наружного наблюдения Владимир Цубербиллер впервые попал в поле зрения охранного отделения в 1911 году, в то время как о братьях Нордштрем жандармы знали, как минимум, с ноября 1909 года (ГА РФ. Ф.102. Оп.67 (Д-2, 1910 год). Д.3 ч.15).

28 Сам факт направления из Москвы в Смоленскую губернию письма, в котором обсуждались дела группы, прокуратура расценила как элемент деятельности антиправительственной организации.

бербиллер решительно выводилась за рамки уголовного дела. На допросе она заявила следствию, что «отобранная у меня нелегальная литература разных наименований партии социалистов-революционеров, брошюры, изданные той же партией, а также подлежащие аресту по постановлениям судебных установлений, металлическая печать «Московской группы вспомоществования политическим заключенным», рукописи по социальному вопросу и частные письма в переплете от альбома для марок — мне не принадлежат; все это было принесено мне на хранение лицом, назвать которого я не желаю возможным. Все это было принесено мне в бумаге в виде свертка и содержимое этого свертка я узнала только при обыске, сама же раньше не смотрела и что именно мне принесено — не спрашивала. Сверток был принесен в то время, когда я была дома и я полагала, что в нем какие-нибудь газеты. Я к подпольным организациям вообще, к «Московской группе партии социалистов-революционеров» в частности, не принадлежала и не принадлежу, не принадлежу также и к той группе, печать которой обнаружена в принесенном мне свертке. Владимир Цубербиллер посещал меня часто, летом он жил на даче вместе со мною в Смоленской губернии, Рославльского уезда, с. Трехбратское у Григория Александровича Пенского. Владимир Цубербиллер, как и остальные дети, приходят ко мне, товарищества их у меня с ними не было»²⁹.

Если рассмотреть доказательства причастности Ольги Цубербиллер к деятельности этой группы, то на наш взгляд, таковых достаточно: у нее дома найдены нелегальная литература, печать «Московской группы вспомоществования политическим заключенным» и револьвер. Кроме того, агенты наружного наблюдения зафиксировали факт ее посещения вместе с пасынком³⁰ места жительства Эмиля Нордштрема и перенос свертков, аналогичных тем, в которых была найдена нелегальная литература.

Однако Владимир Цубербиллер дал показания, которые позволили поставить под сомнение причастность Ольги Цубербиллер: «... [были предъявлены поименованные тетради из числа вещей, отобранных вместе с нелегальной лите-

ратурой и печатью у Ольги Цубербиллер]. Эти тетради были мною принесены вместе с нелегальной литературой партии социалистов-революционеров, брошюрами и печатью «Московская группа вспомоществования политическим заключенным» к моей мачехе Ольге Николаевне Цубербиллер на хранение, причем содержание свертка она не знала. Принес я все это перед студенческим волнением, точно время не припомню [была предъявлена нелегальная литература, брошюры, печать и рукописи, отобранные по обыску у Ольги Цубербиллер]. Откуда все это получено — сказать не могу. ... Печать «Московская группа вспомоществования политическим заключенным» мне передана на хранение, кем передана — сказать не могу. К «Московской группе партии социалистов-революционеров» я не принадлежу и о существовании такой группы первый раз слышу. Группа, печать которой была мне передана и о которой только что говорилось — в настоящее время не существует, она распалась, что я знаю по слухам. От дальнейших показаний отказываюсь»³¹.

Если бы не это признание, то по существовавшим в то время стандартам доказывания Ольгу Цубербиллер было можно привлечь к суду. Однако показания ее пасынка коренным образом меняли ситуацию³². Что касается отрицания Владимиром Цубербиллером причастности к деятельности эсеров — это не соответствует действительности. О том, что он действительно принимал участие в деятельности Московского отделения партии социалистов-революционеров, узнаем из сведений, которые он и его товарищи предоставляли при поступлении на работу и учебу уже после революции³³. Соответственно, имеются сомнения в прав-

29 ГА РФ. Ф.63. Оп.31 (1911 год). Д.568. Л.8а–9об.

30 В марте 1911 года Ольге Цубербиллер было 26 лет, а ее пасынку 19 лет.

31 ГА РФ. Ф.63 Оп.18 (1911 год). Д.569.

32 У Ольги Цубербиллер были хорошие отношения с детьми своего мужа. Это видно из переписки с падчерицей Анной Владимировной Булгаковой (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.2226. Оп.1. Д.1579. Л.13, 25). Также стоит отметить, что младший пасынок - Виталий Цубербиллер также не выдал мачеху, но уже в советское время - на допросе в ОГПУ в 1932 году (ГА РФ. Ф.10035. Оп.1. Д.11803 (дело производственный № П-12492)).

33 В советское время Владимир Цубербиллер работал в Московском геодезическом институте, занимался градостроительным планированием в Средней Азии и Сибири. В анкете для Экономического института

дивости его слов о прекращении деятельности группы помощи политическим заключенным.

Что же касается фактов совместного посещения Цубербиллерами другого участника группы³⁴, то товарищ прокурора не стал упоминать в обвинительном акте этот факт.

В целом, возможность игнорирования собранных доказательств была характерной чертой прокуратуры в царской России. Прокурор занимал ключевую позицию в схеме организации уголовного преследования. С одной стороны, только он мог решать, какие обвинения будут им поддерживаться в суде и, соответственно, какие дела будут им направляться на рассмотрение суда. С другой стороны, прокурор надзирал за деятельностью судебных следователей, направлял дела на доследование, а также имел доступ (хотя и не полный) к информации о деятельности полиции.

Позиция между судом, с одной стороны, полицией и судебными следователями, с другой стороны, позволяла прокуратуре контролировать процесс. Это положение закрепляло отсутствие эффективного контроля со стороны суда³⁵.

Красной профессуры при ЦИК СССР он сообщил, что в 1911–1912 годах отбывал 20 месяцев в тюрьме за распространение нелегальной литературы, без указания партийной принадлежности (ГА РФ. Ф.Р5144. Оп.2. Д.3616. Л.16–17). Но в личном деле квалификационной комиссии НКТП указано: «В революционном движении с 1912 г. С 1914 г. присоединился к РСДРП интернационалистов» (Российский государственный архив экономики. Ф.7297. Оп.9. Д.4626. Л.8). Однако его товарищи были более откровенны. Из биографии Николая Витка знаем, что в 1911 году он примыкал к эсерам. В уголовном деле Эмиля Карловича Нордштрема по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре (дело анти-советской террористической организации ТКП «Крестьянская Россия», в отношении него дело было прекращено военной прокуратурой после двух лет следствия и предварительного заключения с апреля 1938 года по март 1940 года) находим: «с 1910 по 1912 примкнул к эсерам, с 1912 по 1914 к социал-демократам» (ГА РФ. Ф.10035. Оп.1. Д.П-34456 П-34456 Л.9об. п.15).

34 ГА РФ. Ф.63. Оп.44. Д.3482. Л.7.

35 Судебный контроль существовал в форме слушаний о направлении дел на рассмотрение судом, о начале и прекращении уголовного преследования по определенным категориям дел. Но в таких случаях судьи рассматривали заключения, которые им предлагал прокурор. Сами судьи не располагали полной информацией о фактических обстоятельствах дела. То есть суд в этих случаях был зависим от прокуратуры.

Нельзя забывать, что прокуратура, как и судебные следователи, были интегрированы в систему судебных учреждений дореволюционной России. Анализируя связанные уголовные дела, приходим к представлению о том, что когда дело доходило до скандалов, связанных с деятельностью самих судов, будь то коррупция или халатность, прокуратура и судьи старались прекратить движение таких уголовных дел³⁶. Судьи более нижестоящих судов могли привлекаться к ответственности, но как только дело касалось репутации окружных судов, дела дальше не двигались.

Пользуясь своим доминирующим положением, в деле Цубербиллера-Нордштрема-Витка прокуратура приняла ряд странных решений с точки зрения объективного расследования преступлений.

При достаточности обвинений в отношении Владимира Цубербиллера и Эмиля Нордштрема в деле оставалось несколько неясных моментов, которые прокуратура относилась к деятельности неустановленного лица, входившего в ближний круг Владимира Цубербиллера. Основная улика, позволившая прокуратуре вменить обвиняемым не просто хранение нелегальной литературы, а участие в антиправительственной организации, была записная книжка, в которой содержались заметки Владимира Цубербиллера, а также каталог библиотеки революционных изданий. Кроме записей, выполненных Цубербиллером и Нордштремом, в записной книжке были записи, выполненные неизвестным лицом, но не Витка. Проверять, были ли эти записи выполнены рукой Ольги Цубербиллер, по непонятной причине судебные следователи не стали, а прокуратура таких указаний им не дала.

36 Дошло до того, что прокуратура под надуманным предлогом возвратила на доследование дело, где на арендованной уголовниками даче были найдены похищенные вещи, а часть преступников дала признательные показания. Это при том, что при задержании, которым руководил лично начальник сыскной полиции А.Ф. Кошко, между полицией и преступниками произошла перестрелка. Дело по обвинению М.М. Промахова, В.В. Смыслова, К.В. Дремина и др. в краже вещественных доказательств из архива Московского окружного суда (ЦГА Москвы. Ф.142. Оп.20. Д.45). Полиция ничего не могла сделать против решающей позиции прокуратуры.

При этом из характера деятельности группы следовало, что это неустановленное лицо было достаточно организованным и образованным, обладало навыками работы с библиотечными фондами. Искать человека, подходящего под такое описание, тоже не стали.

Вместе с тем известно, что Ольга Николаевна Цубербиллер в 1904–1907 годах была библиотекарем «библиотеки кружка математической литературы»³⁷. Мы не можем сказать наверняка, что она была причастна к деятельности партии эсеров по распространению нелегальной литературы в то время³⁸. Однако, отметим, что революционные партии не стеснялись распространять свою литературу через легальные книжные магазины и библиотеки³⁹.

Также вопросы вызывает револьвер системы «Лефаше», изъятый по месту жительства Ольги Цубербиллер, который мог принадлежать как ей, так и ее мужу. Револьвер быстро перестал фигурировать в материалах дела, при том, что в других делах эсеров мы видим, что судебные следователи придавали большое значение хранению оружия.

Еще одно обстоятельство определенно указывает на старания прокуратуры исключить причастность вдовы своего коллеги к истории с обнаруженной нелегальной литературой. 19 сентября 1911 года, уже после того, как следствие по делу было закончено, и обвиняемые ждали суда, в адрес прокуратуры поступил запрос начальника Московского губернского жандармского управления с просьбой предоставить для анализа

почерка имеющуюся в деле записку, написанную некой Лидой, обнаруженную при обыске в доме Ольги Цубербиллер⁴⁰.

Жандармов не случайно интересовала эта записка. В это время расследовалось большое дело о другой группе членов партии эсеров, в которой активное участие принимала дворянка Лидия Николаевна Злобина, известная революционерка⁴¹.

Если бы посредством этой записки была установлена связь Злобиной и Цубербиллер, то признательным показаниям ее пасынка могла быть дана другая правовая оценка.

Однако ни в одном из дел не находим, чтобы указанная записка была направлена жандармам для анализа. Вероятно, прокуратура проигнорировала этот запрос по тем же мотивам, что и другие доказательства, указывающие на причастность Ольги Цубербиллер к этой группе.

В результате рассмотрения дела Владимир Цубербиллер был приговорен к одному году тюрьмы, а Нордштрем и Витка получили по 8 месяцев заключения⁴². Это нехарактерно мягкий приговор за государственное преступление с учетом затраченных ресурсов сыскной полиции и судебной системы.

В этом деле обнаруживается незначительный след деятельности политического Красногоса Креста — нахождение металлической печати «Московская группа вспомоществования политическим заключенным». Однако с учетом всех обстоятельств дела мы понимаем, что эта печать оказалась в доме Ольги Цубербиллер не случайно, но полиция и прокуратура не стали развивать это направление расследования.

Список литературы

1. Алексеев И.В. Провокатор Анна Серебрякова. М., 1932.
2. Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. По данным Комиссии по обеспечению нового строя. М., 1919.
3. Шаламов А.Ю. Московская полиция. 1905–1907. 2022.

40 ЦГА Москвы. Ф.131. Оп.99. Д.89. Л.15–15об.

41 ЦГА Москвы. Ф.131. Оп.80. Д.366–370.

42 ЦГА Москвы. Ф.131. Оп.99. Д.89. Л.1–2. Памятный лист к приговору 7 ноября 1911 года.

37 Центр хранения страхового фонда (г. Ялуторовск) ГА РФ. Ф.А385. Оп.20. Д.7236. Л.8.

38 Вопрос, чем занималась О.Н. Цубербиллер в период времени между окончанием гимназии в 1903 году и до поступления на М.В.Ж.К. в 1907 году, которые закончила через год по направлению чистой математики, является одной из тайн в ее биографии.

39 Собственно, где еще можно спрятать нелегальную литературу лучше всего? - Ответ очевиден - среди легальной литературы. Отметим, что библиотеки учебных заведений могли использоваться революционерами для хранения нелегальной литературы. Так, в ходе «зачистки» Императорского технического училища в Москве в декабре 1905 года в библиотеке училища «отыскивали ружье, револьверы, патроны, детали для сборки бомб, нелегальную литературу и 87 рублей, почему-то в мелкой медной монете» (Шаламов А.Ю. Московская полиция. 1905–1907. 2022. С.262).

AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Rybak Kirill Evgenievich,

Doctor of Cultural Studies

Associate Researcher, Russian Heritage Institute

st. Kosmonavtov, 2, Moscow,

129366, Russia

kvr1482@gmail.com

Izbachkov Yuri Sergeevich,

lawyer,

st. Kosmonavtov, 2, Moscow,

129366, Russia

strax5@list.ru

Abstract

Using the example of representatives of three revolutionary parties, the activities of the law enforcement system of Tsarist Russia are shown in relation to the Inter-Party Red Cross, which provided assistance to exiles and prisoners in various ways. The relative efficiency of the police, excessive bureaucratization, complicated by manifestations of corruption in the law enforcement and judicial systems are noted.

Keywords

Inter-Party Red Cross, police, security department, Social Revolutionaries, Moscow Higher Women's Courses, Zuberbuhler, Zuberbüller Ivan Filippov, Raisa Golovacheva, Nikolai Buchholtz, Lyudmila Erarskaya, Nordström, Nikolai Vitka, Lidiya Zlobina, Maria Marosi, Anna Serebryakova (Reshchikova), Elizaveta Durnovo (Efron), convict, exile.